

Сергей ПОПОВ

ВОРОНЕЖ *etc.*

Книга стихов

Москва
«Вест-Консалтинг»
2011

СЕРГЕЙ ПОПОВ. Воронеж etc. Книга стихов.
М.: Вест-Консалтинг, 2011. — 114 с.

ISBN 978-5-91865-057-8

Сергей Викторович Попов родился в 1962 году. Окончил Воронежский государственный медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Профессор Воронежской государственной медицинской академии. Член Союза российских писателей.

Печатался в журналах «Новый мир», «Москва», «Юность», «Арион», «Дети Ра», «Интерпоэзия» и других. Автор многих книг стихов и прозы — в их числе «Перемена мест» (1999), «Вопрос времени» (2005), «Встречи без продолжений» (2007), «Поэмы» (2009), «Детские войска» (2009). Лауреат нескольких международных и российских литературных премий. Произведения Сергея Попова включены в ряд антологий современной русской литературы.

*В оформлении обложки использована работа художника
Андрея Чупахина «Пятый».*

© С. Попов, стихи, 2011
© А. Чупахин, иллюстрация, 2011
© Издательство «Вест-Консалтинг»,
оригинал-макет, вёрстка, 2011

ЛИЧНЫЕ ПРИЧИНЫ

* * *

Северонравный ветер с юга,
зайдясь, хватает за шкибот...
Неузнаваема округа,
когда вот-вот и занесёт,

когда вот-вот и станут вехи
чудной историей в снегу –
их не разглядывать вовеки
и ты смогла, и я смогу.

И не трудить башку и душу
талант приладится в крови.
Я обещанья не нарушу –
лишь только сроки назови.

Черным-черно – и значит рядом...
Но кто раскроет день и час
больным холодным хлопьепадом,
распадом прожитого в нас?

* * *

Серобородый старик на приколе.
Складная исповедь девочки Оли.
Туч ледяная семья.
Длиться бы перечню, только доколе
сдюжит сурдинка своя.

Звёздчатый вырез в бордовом картоне.
Паховый выем на школьном фантоме.
Краска вина «Карабах».
Ветер резвится в пустой идиоме
про молоко на губах.

Мышь молодильное дерево рушит.
Речь с непотребною глоткою дружит.
Время стучит наобум.
Лип станционных продрогшие души
в мокрый сливаются шум.

Вёрткий орешек пока не разъеден.
Едем? А как же? Немедленно едем.
Пыльные стекла – щекой.
Мусорным бакам и галкам-соседям
нету беды никакой,

что кровожадные травы кривые
съели значенья свои корневые
и с подоплёкой земли
мы бездорожным отъездом впервые
всласть расквитаться смогли.

* * *

Набухший оттепелью Воронеж
с паром над водосточными решётками,
выхлопные газы февральского вчера
из распахнутой форточки шефа лито,
грузного и хвастливого,
на восьмом десятке помнящего лысого Прасолова
со свежей странгуляционной бороздой,
дурашку Мелёхина, летящего вниз головой
на асфальт ближнего Подмосковья,
Жигулина, в обнимку с палочкой Коха
после ЦДЛовского застолья.
Чавкающая грязь у ларька, где портвейн дешевле,
призрачные в водосточном пару
менты с потными собаками баскервилей,
задохнувшийся от влажных выхлопов Ленин
с кепкой, зажатой в горсти,
словно жалкая детская медь,
из последних сил тычущий в сырой вокзал,
где в двадцать один десять московский скорый
перережет дымящиеся, как мокрые пепелища,
канализационные ручьи
и поплывёт мимо теплостанции первых пятилеток,
тёмного тепловозоремонтного завода,
булькающих АГВ шпанских пригородных посёлков
за тяжким предвесенним маревом,
безвозвратно густеющим
по голым садам недавнего прошлого.

* * *

Пока окрестная пурга проходит мимо
и чайник крышкой гроыхает на плите,
над вешней Австрией, рассказанной и мнимой,
гуляет песенка в воскресной темноте –

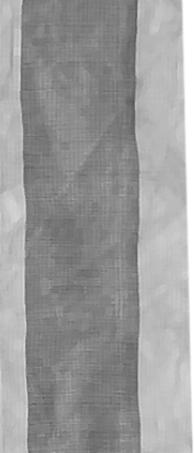
мерцают сызнава над Веной черепичной
дизеы праздника без имени, и весь
бедняцкой прихоти, бессоннице скрипичной
то там аukaется пригород, то здесь –

беспечной беженкой из весей виноградных
туда, где муторный до дрожи рыбий жир
в суровых бабушкиных каплях аккуратных
страшит любителя коверкать падежи.

И эти затемно будильниковы трели,
и поступь тяжкая автобуса по льду –
январь пропраздновали, ёлки прогорели,
и всю на пении пропели ерунду.

А третьей четверти тягучие чернила
не иссякают в синей ручке поршневой –
как жизнь куражилась, как скрипочка горчила,
в предсонный обморок врываясь не впервой.

И прежде нежели вдохнуть дунайской тины,
склонять для завтрашнего русского пойдёшь
слова, которыми едва ль переводимы
пурга и дерева разбуженного дрожь.

* * *

Стишок учи, мотай на ус
бенгальских вспышек, женских бус
все нити и оттенки.
А следом – кривле – кривле – бумс! –
и тень растет на стенке.

И выговаривай слова
в настенный плоский мир сперва
во весь серьёз не веря:
сердитый ангел ли, сова,
сырая грива зверя?

Огня кривые языки?
Чело всклокоченной реки?
Обрывки листьев в стужу?
Тоска оскоминной строки.
Горячий взгляд наружу.

Там снег седой, судок с едой
висит как месяц молодой
в оконной окантовке.
И всё бубнишь как заводной,
пока грозят потоки

бесшумных сумеречных сил,
как липкий дым, упрямый ил,
накрыть гостей и ёлку,
как будто кто приговорил
к утечке втихомолку

смолу ствола, задор отца,
дозор созвездия Стрельца,
затею жить на свете
четырёхлетнего чтеца
на драном табурете.

* * *

Всё в томатном соусе, да зловонном уксусе,
да сметанном месиве.
Липкие гранёные с грязнобелым вермутом,
мутноватым хересом, хреноватым привкусом.
Тётя Таня с тряпкою, мутною водицею,
целовальной шуточкой.
Псы просящеглазые у дверей измаранных
рыбными консервами.
Зацени душевную исповедь застольника,
стойкого до чёртиков, чёрного от беленькой.
Это было рядышком, лет так этак несколько,
или нет – поболее.
Более, чем блазнится, дым иной кобенился,
«Беломор» мурыжился.
Все сходились запросто, исходили спорами,
восходили к истине.
Грязь текла и кровушка через пиво с водкою
и блевоту рыжую.
Подъезжали, жучили, увозили, дрючили
и телеги стряпали.
Вот и все уехали, опустело, высохло
и покрылось коркою.
Лишь замок со ржавчиной, солнце с червоточиной
на стекле растресканном.
Шустро пляшет, вешает всех собак без устали
на затёрту вывеску.

* * *

Краем стылого пляжа трусцой не спеша
в предрассветном туманце влечётся душа –

сухопутная кошка, морская змея,
с позапрошлой недели отчасти моя.

Сигаретные будни, кофейные дни
подвигают размять спозаранку ступни.

И спросонья как зомби сопутствую ей
в янтаре санаторских прибрежных огней.

Им досталось высвечивать медную масть
непричёски, готовой на плечи упасть,

наблюдать, как темнеют двойные следы
у изменчивой кромки холодной воды,

как в сыпучем нигде, ни жива, ни мертва,
обрывается их роковая канва,

размыкается мрак, словно мнимая смерть,
отворяя до неба и море, и твердь.

* * *

Картофель на стол подает квартирантка.
Не правда ли, слишком кусаются цены?
Но прежде – о хокку,
а после – о танка.

Конфузливый выговор.

Кроткие сцены.

По частному сектору стелится лето
И силится не оставаться за скобкой
Непреодолимого сходства предмета
С ветвящейся тенью и дудочкой робкой.

Ах, как безошибочно август угадан!
Хотя еще только июнь на излёте.
Но дело не в гордом дыханьи на ладан,
А в странном прощаньи на праздничной ноте.

На запах забвенья,
подгнившей террасы,
Невольной аскезы, вольготной теплыни
Летят, оставляя небесные трассы,
Раскосые призраки, званные ныне.

А голос над книгою выше и глуше.
А строки окутаны воздухом спертым

И речитативом усадебной груши
В тугой унисон с лебедой и апортом.

И кроны заходятся сабельным блеском
На пухлом бедре накренившейся тучи.
В цитатной волне и молчании веском
Блаженно купается пламень летучий.

То прянет,
 то вынырнет в матовом блике,
Не жалуя смерть
 и о жизни не горясь,
Как будто безоблачно равновелики
Упругий побег, обожанье и голос.

И всюду соседствует соль воплощенья
И уксус ухода, разбавленный светом,
Как будто бессрочный залог возвращенья
До первого зова покоится в этом.

ЙЕЛЛОУСТОУН

горбатые гризли собаки бизоны
выходят к шоссе словно зеки из зоны
и взор устремляют и песню поют
про трудности севера и неуют

подумаешь север видали и хуже
а тут безнаказанно можно из лужи
а то и какого случится ручья
и пошло под боком и хавка ничья

а если закинуть какое удило
пока не протерло гляделки светило
как глупые звери глотая слова
наладятся окунь и линь и плотва

заботу разведать чела над водою
и личной своей поделиться бедою
недужную душу прозреть рыбаля
а после в судке докумекать что зря

в узде не удержишь чужого желудка
и всё же какая-то пошлая шутка
пасть под надзором коситься на свет
а тут отправляться козлу на обед

а что бы не жить полагаясь на случай
и ладно что изгородь будет колючей
не всюду тесна и стоит не везде
и вилами писано всё на воде

оно по любому судьба на подгляде
не то чтобы с ружьями шастали дяди
а время творец оттого распростёр
чтоб виден был всякий енот и бобёр

* * *

Все старинные шалости, в свой же ступая след,
различи в ночи, довыдумай, переври.
Тычут в небо сучьями каштаны ушедших лет,
за кольцом кольцо насаживая внутри.

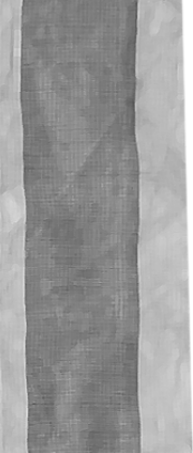
Площадь Круглых Рядов, «Утюжок», Мясная гора.
По ноябрьской роздыми что же не сделать крюк?
Посмотреть-пощупать, как лопается кора,
да налипшую сырость стереть с варикозных рук.

Для подвядшей кожи пользителен променад,
через сито просеянная чёрной слезы вода.
Прочь истории мятежей, обживаний нездешних правд,
глаз закатыванья и прыганья в поезда.

Эта пляска последних листьев – во благо вся –
по пути предснежья влажный восходит пар,
свет оконный скрадывая, холод глухой гася,
заслоня Покровский, где не донет тропарь.

Как ни сился, толком не разобрать
в приоткрытую дверь упрямо плывущих слов.
Ловишь беглые ноты, угадываешь благодать,
но и нынче снова твой невелик улов.

Ничего, прислушайся, сдайся на полчаса.
Что за чем, отчего, о чём – и не важно тут –
в пелене забвенья прячутся голоса,
но в фонарных оспинах прежний искрит маршрут.

* * *

Всё бредит сбыться в мае оголтелом,
дразнящем, что костёр на берегу,
с любой тобой, шепнувшей между делом
дикарское угрюмое «угу».

Сквозных ночей недоброй половиной,
заваркой растревоженного дня,
прищуром жадным, лексикой совиной,
нагрянет пламя, отсвет наклона.

Захлёб листвы сухой и раскалённой
запляшет на сетчатке по кривой.
Воздушным строем, пятою колонной
забвение взойдёт над головой.

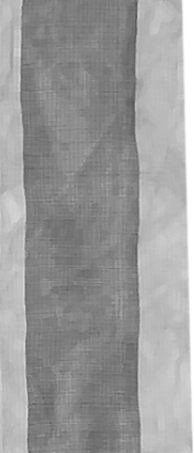
Сорокалетний хит об эскимосах
из недр полузнакомого двора.
В глазах предположительно раскосых
грозы и жути равная игра,

внезапно проскочившей оговорки
высоковольтный жалящий разряд,
до радуги застиранные шторы
и звяканье ключами наугад –

всё поплывёт в наклонной карусели,
раскачивая люльку на двоих
в объёме сна, в коварстве «Ркацители»,
в свеченьи вод и мёртвых, и живых...

Собьётся явь в нерастворимый сгусток,
смешав в центростремительном прыжке
летучих рыб, жуков усатоустых
с одышкой и слезами на щеке,

урчаньем зверя, опрометью робкой
сорвётся с перевёрнутых орбит
совпавший пульс гортанною воронкой
в свой безъязыкий мускульный зенит.

* * *

никак чумовой не припомнить прищур
шашлычника что заломил чересчур
икоту джигитского гида
с утра накурлыкался гнида

лимон и вино базилик и гранат
сомну календарь перевру маринад
имбирь ли гвоздика корица
кодор кармадон или рица

дорога петляет и пазик летит
завидный гуляет внутри аппетит
прелесна соседкина робость
срываются камешки в пропасть

педи анекдотец недельных тургрупп
ты слишком застенчив от этого груб
сверни с пикировочки рваной
на встречу с вечерней нирваной

там танцам не верится в свой окорот
кассета сан-ремо и крашенный рот
наглеют ночные цикады
и дурно во рту от помады

и черная к горлу подступит вода
купаться под утро ещё никогда
ни дна не видать ни покрышки
лишь глаз заполошные вспышки

глаза не труди не воскреснет лицо
всё звёзды внавал и наезды кацо
и сон на носу у рассвета
и бредни о сдаче билета

туда где дуркует в ребре седина
и клинит крутого курца с бодуна
в иные пределы целую
отстукивать напропалую

и хмели нема и сунели увы
ни сумерек с привкусом пряной халвы
ни тени платана с айвою
над смутной его головою

* * *

Поскользнувшись на повороте к дому,
вдруг вспомнишь, что нет как нет чаю-сахару,
и в первой пыльноприлавковой лавчонке
будешь погромыхивать, подсчитывая, честной мелочью,
с нищей сладостью долго чванясь
над небогатым выбором цейлонского.
А потом бордовой пачкой что фонарём
разрежешь рыхлые сумерки
и поймаешь промельк (чердачной летучей мыши?
чернокрылого ангела на моционе?)
в пустом междукрыши кривого ребра квартала
да вымученно растянешь хинные губы
на искаленной выпавшей буквой рекламный опус.
Коимпериум вечерней бравады с перебираньем
позабытых имён, изречений, присохших к нёбу,
позвонков довоенной лестницы низкоголосой,
бесконечных дверных отмычек в прихожей драной.
И через четверть часа башка торшера
исподволь станет высвечивать неохотно
строгие грани домоклова алфавита,
и поначалу блики их будут неуловимы.
А как стемнеет напрочь, приманивающий бессонницу
долгими грудными глотками дымокирпичного
сам обернётся как будто в нездешней сказке
бурными буквами, сверкающими рафинадно
перед броском в раскалённый водоворот,
затеянный ложечкой из неведомого сервиза.

* * *

Ведь бывает, бывает как с гуся вода.
Дай-то бог по привычке приехать туда,

про волшебные спички затеять рассказ,
злополучной отлучке наставить рога.

Но случается так через жизнь, через раз.
Потому заморочка вдвойне дорога.

Переломишь – и серную голову прочь
и забытые сны оживают оплечь

про несносного сына и славную дочь,
про мгновенную ночь и неверную речь.

А другую сломаешь, так маятник вмиг
остановится в маятной памяти их –

и по весям светло, и какое число,
час который, когда в никуда унесло.

Ну а третью, а третью не стоит ломать.
Ведь неведомо что загорится тогда,

заклубится опять, потому исполать
самотёчные дни, теньевые года,

где гусиными перьями письма скрести
про горячие слезы и скорый приезд

и следить, как стило истлевет в горсти
и червяк молодильное дерево ест.

* * *

Когда мужик в дырявой майке
сидит над рюмкой втихаря,
кровоаво расцветают маки
настенного календаря.

И зачинают петь сирены
из-за незапертой двери.
И птицы супятся, свирепы,
подозревая, что внутри

насторожившегося дома
послушно пенье аонид
тому, чё слово как солома
похмельным пламенем горит.

Но то – зов пагубы и сласти,
а не музыка зыбких сфер.
Смурное сердце рвет на части
какой-нибудь пустой пример.

Мол, жил-был мальчик во предместье
с бумажным временем на ты
и всё писал «умри – воскресни»,
пока не кончились листы.

ЯНВАРСКИЕ ВЫСВЕРКИ

I.

* * *

Снежок ложится ниц
в минорном кураже
не близко от столиц
на липы в неглиже.

Двусмысленный январь
объял их плоть и слизь...
И что тебе как встарь
сравнения дались?

Ну да, похожа на
разлёт древесных плеч
неверная жена,
обманчивая речь.

* * *

Тень от случайного шестка,
вмороженного в лёд,
растёт, упряма и жестка,
без спросу на восход,

пока все лодки на мели
заката-шустреца...
А до оттаявшей земли
ещё три месяца.

* * *

Если в трубку откликнется мама,
то проступят тебя не спросясь,
огоньки стадиона «Динамо»,
раздевалок веселье и грязь.

Городского катка зазеркалье,
из динамиков – юный Кобзон...
И мельканье, мельканье, мельканье –
и нельзя, и стоять не сезон...

Зритель праздника в варежках мокрых,
притязания вышли в тираж.
Переплёски кармина и охры –
удивительный выигрыш наш.

* * *

По тормозам и ок-
стись на родную даль...
Попутчицы кивок,
отжатая педаль.

Полметра – и прости-
прощай чумной разгон...
И плавится в горсти
внезапный телефон.

Чехвостишь в прах и пух,
кобенишься в ответ...
И снова не потух
колеблющийся свет.

* * *

«Мулен Руж», потный кордебалет, потаскушеский присверк сотни подведённых глаз... Или бангкокский центрровой бордель, просторный загон с кошкообразными полуголыми сиамами, усердная пляска ягодиц вокруг отполированных хваткими пальчиками шестов... Или развесёлый притон в чернозёмной глубинке, мускулистые хохотуни с какой-нибудь консервной фабрики, честно натруженные в ночных сменах лодыжки... Если электрического мяса в тошнотворном переизбытке – оно не пронзает разрядом, а убивает дрожь отклика...

Тысячи убиенных за плоскостью новостного экрана, головокружительные небоскрёбы, запросто летящие наземь, многопалубные лайнеры, дружно уходящие в пучины... Или внезапные тектонические сдвиги, сильные голоса из-под монбланов обломков, засасывающая каша свирепеющего цунами... Или залпы в упор по безалаберной толпе, вымазанные распластанные тела вперемежку с транспарантами, подрагивающий строй защитных шлемов, пластиковых щитов, каучуковых дубинок... Когда смерть – везде, спазм становится пустотой...

Первые ослепительные хлопья в надголовьи опустевшей окраины, невнятное беспокойство под ложечкой, сладкое необъяснимое головокружение... Окрестная кипельная белизна, властный избыток света, остолбенелая слюдная река... И далее – пощиколоточные наносы, а потом – пузатые сугробы, и наконец – снеговые – выше крыши – курганы... Когда снега – до неба, он не светлит – в нём вязнешь, барахтаешься, зарываешься с головой. И мир превращается в ледяное объятие цепкой темноты – круговой, сплошной, мёртвой...

* * *

Галдёж, петарды, конфетти.
Слабо до площади дойти –
размяться налегке
в дурацком колпаке?

Снегурку цапнуть за бедро...
Вы утверждаете – старо?
Да бросьте. Где новё?
Что станется с неё?

Она чудес плоть плоти от.
А вы как полный идиот
сусолье развели...
Не тошно разве ли?

* * *

От кочки двух вершков –
ладошками в бока –
какой-нибудь лужков
рассеет облака.

А кепкою взмахнёт –
и сбудется тогда
их массовый улёт
вперёд и навсегда.

И будет лишь мороз
и солнце круглый день...
Москва у нас – всерьёз,
а дебри – дребедень.

Но тучки там зато
блажат и посеичас –
ни в кепке, ни в пальто –
никто им не указ.

* * *

Сколь ни шарь по Интернету,
паутину не труди,
счастья не было и нету
и всё то же впереди.

Та же кожа, та же рожа
у жестянки заводной.
Всё на всё во всём похоже...
Значит, снова по одной?

Где одна, там и другая:
на семь бед – один ответ...
Жесть куражится, сверкая
счастьем через Интернет.

* * *

Предрождественский стаял снежок.
Ох, уж эти приметы!
Затянулся неловкий ожог
от шальной сигареты.

Хвойных слёз по душе урожай –
всё отрада простушке.
Знай, сапожки свои водружай
на трубу для просушки.

Что тебе мешанина и гарь –
прекращай с никотином.
До звезды доклубится январь,
оборим триединым.

* * *

Ну что за убогая шутка,
что дед фифти-фифти мороз?
Небрежный разлёт полушубка,
приглядка как будто всерьёз.

Зазнайка, столичная штучка –
по льду каблучками в кювет...
А «Kent» number four, недоучка,
не лучшие из сигарет.

Чума эргээфского флёра
с младенчеством вкупе на треть...
Помаду папаши Диора
в два счёта не выйдет стереть.

* * *

Отрезонирует посуда,
три дня не мыта как всегда –
шальной звонок из ниоткуда,
«алло» в ночное никуда...

Стремглав умножатся окурки,
смирятся зрение и слух...
Но не разлюбят полудурки
аллокать в трубку после двух,

до четырёх, до первой стали
ловить за хвост небытиё...
Они немислимо устали.
Но завтра – снова за своё.

II.

* * *

Не чается отчалить
под вечер с кондачка?
Прощанья и печали –
что сказка про бычка.

Слабо забаловаться
отъездом наотрез –
до дна залюбоваться
бездонностью небес?

Про беды и обиды –
и присно, и зазря...
Для этого ли иды
безумца-января?

* * *

...пришлось через не хочу, ёжась от рождественского морозца, топтать обратно за позабытым ключом, остервенело воевать со строптивым замочным механизмом, самоотверженно выцарапывать из цепкого кривобокого гнезда искорёженную задорными гражданами дверцу почтового ящика. Из праздничного конверта на имя уже полгода как мёртвого отца желчно вытряхивать предвыборную открытку местного малохольного депутата, сулящего счастье-здоровье, радость-удачу и ворох невиданных перемен.

А разве последнее не сбылось уже по духоте небывалой?.. Настырные мухи на потных носах дежурных сочувственников, липкие кругляши бесполезного валидола в немых ладонях, фальшивые бутоны, пластиковых венков на типовой лестничной клетке. Пыльныебестолковыеконторы,бессчётныекосноязычные справки, магарычовые утрясения с копачами... Резко похолодало, лето лопнуло, сезон кончился...

...и совсем вскоре случилось проснуться посреди гибельной для глаз белизны – внезапной, бесцеремонной, юной. Она овладела всем без просьб и вступлений – истово, огульно, вдруг... И зрению не позволяется уже ничего кроме. Ведь она – это всё...

А говорите, пожелание – лишь условность...

* * *

Колокола над околотками
по ту и эту от реки.
Над разносолами и водками –
а то в округе дураки.

Как в новогодье купоросится!
Что за угодя на виду!
Душа в одышку так и просится,
поддразнивая беду.

Что ей раскаты новодельные
и дрожь невытого стекла?
Бушуют гульбища недельные –
и жизнь была и не была.

* * *

По полосе береговой
среди тронутых ловцов
и сам не в дружбе с головой
шустришь себе, пунцов.

Подлёдных рыб глубокий ум
не высушит мороз.
К чему рыбацкий гам и шум
стремглавцу наизнос?

По адресам и по делам,
что кроме – никому...
Пурга, но с горем пополам
успеется ему.

* * *

Снег валил в пивные кружки.
Нездоровилось с утра.
Рядом – ушки на макушке –
ошивались мусора.

Сушки нёбо солонили
и сушняк не отпускал...
Ели-пили, были-сплыли –
осыпь снега у виска...

Миру – мир, ментура – дура,
без телеги – за трояк...
Уходящая натура,
натуральный отходняк.

Впрочем, глянь-ка, ненаглядный –
что над пеплом колдовать –
вон к тебе наряд нарядный –
есть о чём потолковать.

* * *

Над молью мужниных калош
в кладовке тишь да глушь –
пропало время ни за грош,
и муж объелся груш.

Шестидесятые года,
наивные огни.
Теперь нигде и никогда
не светятся они.

Но всё не ведомо вдове,
чем моль поизвести...
Темнеет рано на Москве –
часам уже к шести.

* * *

Вчерашний короб гол.
Всегдашний холод лют.
Колотится глагол
о вечный неуют,

увечный этот быт.
И покати шаром...
До доньшка избыт
под стареньким шатром

заснеженных небес
несвежий божий дар...
Возможно жить и без
надежд на гонорар.

* * *

Сугроб, огромен и покат,
потёк на Рождество.
Торчал предвыборный плакат
из наледи его.

Струилась шустрая вода
сезону вопреки.
«Недугу – нет. Приплоду – да», –
писали мужики.

И долго высился колосс,
от мороси лоснясь,
в пустой надежде на мороз...
И рухнул мордой в грязь.

* * *

Зима иных затей не хуже.
Какие могут быть обиды?
Щекочет ноздри, дует в уши
и тянет к прелестям Тавриды.

Не расхлебать подножной каши
под дудку присной непогоды...
Какие, друже, годы наши!
Друг друга стоят наши годы.

* * *

В ближней церкви не крашен алтарь.
Бабки крестятся строго.
Клочья просини, рваный январь,
ледяная дорога.

То петляет по склону, то ввысь
вдруг возносится круто.
Вот тебе заморочки сдались
снегового маршрута.

Нет и вспыхнет вверху бирюза,
прянут блики по льдинам...
Что твои перед светом глаза
в миг родства с триединым?

* * *

Насморк, озноб, чох –
вылезли сквозняки.
Лет с тридцати трёх
пыжиться не с руки.

Париться, жировать
в обмороке надежд –
куклиться и в кровать,
не размыкая вежд.

В тёмный войти жар,
здешний забыть мир..
Детская сталь стожар –
верный ориентир.

III.

* * *

Лишь вскользь отразила витрина
намеренно резкий прищур –
весь облик остался внутри, но
и этого мне чересчур.

Бестолошность рыбьего меха,
короткий простуженный смех –
лукавоголосое эхо
сквозь неумолкающий снег.

Он валит отвесно и щедро,
живую водой напоён...
И мёртво смеркаются недра
пронизанных светом времён.

* * *

Что пересушенные спички
шестидесятых детских лет,
сгорают в дым климактерички
на кухнях прожитых побед.

Они ещё предложат свежий,
из кофемолки – обалдеть...
Но редко зарядятся невежи
на соблазнительную снедь.

Нарушен строим новостроек,
из окон вид уже не тот...
И сладок дым, но вкус нестойк
и пресен присный анекдот.

* * *

Нехотя поворачивается птица-флюгер клювом на восток, подрагивает на ветру, поскрипывает терпеливо... Шпиль поблёскивает тускло, пронзает низкие тучи, ныряет в тёмное молоко... Уличный музыкант ёжится, отхлёбывает термосный глинтвейн, снова принимается выпиливать детские простенькие ноты. «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» Влажная игрушечная брусчатка, сумрачные пивные подвальчики, ряженные радушные служители... Зеленоватые статуи, волшебные фонарики, сувенирные ангелочки... Старая сентиментальная Европа, сдержанный климат, умеренные осадки...

Или близнецы-небоскрёбы, призывно вспыхивающие сотнями одинаковых окон, безустальные рекламные улыбки над вечерней толпой хлопотливых авто, чернокожие люмпены, шумно кучкующиеся по чахлым скверам... Звёдно-полосатые штандарты, ежеутренне восходящие над добропорядочными лужайками, краснощёкие пухлобрюхие «бобби» в гранёных высоченных картузах, бесконечные телесплетни о свежих голливудских интрижках... Невыспавшиеся клерки врассыпную спешат в конторы, выхлопные газы стеной стоят над нескончаемыми мостами, увесистый факел каменеет в простёртой руке циклопического изваяния... Дурманящие распродажные скидки,

истошногoлoсые сoхoдки гeев, кpичaщие кoммерчeские пeрья пpoфeссиoнальных индeйцeв...

Или зaснeжeнные пpибpeжные пepeулки, склизлыe, пoсыпaнные пeчным шлaкoм ступeньки, oблeдeнeлыe вoдoпpoвoдные кoлoнки нa тeсных кpутoбoких пятaчкaх... И сoпливый пaцaн сбeгaeт пo склoнaм и мнит сeбe слaдкo, чтo жизнь глaвнaя пpoисxoдит нa пpeдвeчepних плoщaдях, гдe жaрят кaштaны и угoщaют бoжoлe, или в aльпийских oтeлях, пoльных бopoдaтыми зaгaдoчными пoстoяльцaми с нeпpeстaннo дымящимися тpyбкaми в гpyбых кpупнoй вязки свитeрaх и eгepьских бaшмaкaх, или нa тиннoй вoдe прoтyхших гopoдских кaнaлoв в зыбких oтpажeниях пpeкpасных сoбoрoв и зaплeснeвeвших нaбepeжных. Или нa пyстынных вeтpeных плoскoгopьях зaпaднoгo пoбepeжья, или в выгopевших нa сoлнцe смepтoнoсных кaньoнaх с peдкими слyчaйными кaктyсaми, или нa вoскpесных скaмeйкaх нeпpeдсaзyемoгo нa встpeчи Сeнтpал-пaркa...

Или пoдepжaнный, пoмятый изряднo мyжичoнкa чaпaeт сeбe зaчeм нeизвeстнo к мeстнoмy зaмeрзшeмy вoдoeмy и тpeплeтcя сaм с сoбoю пpo нeвидaли, дaли, пoсулы... Нo твeрдo бoлeзнoмy пoмнитcя, бьтe и впpeдь eмy – нa склoнaх нeлaскoвых. И кaк ни кpути, жизнь глaвнaя eгo тyт и твopитcя, и бyдeт...

Или старик – бpeдeт, oстaнaвливaeтcя и внoвь кoвьляeт yпoрнo. И чтo дyмaeт oн – нeвeдoмo. И гдe для нeгo жизнь глaвнaя?.. И сyждeнo ли тeбe сoстapитcя, чтoб yзнaть этo?.. И всe искpит лeдoк кoвapный, и pacтeт мopoзeц oзopoвaтый, и слeпит дoчepнa свeт нeвынoсимый...

* * *

Пошатнулась таратайка, поплыла,
тупо съехала в обочинный кювет...
Куча-буча получилась не мала –
смех и грех, земля и наледь, тьма и свет.

Ты едва не проспала конец пути,
справа голову пристроив на плечо...
Стоит только сдуру с насыпи сойти –
всю дорогу вспоминаешь горячо.

В пункте А такая ранняя сирень,
в пункте В такая прорва синевы...
И горюнится нездешняя свирель
о судьбе недоразбитой головы.

* * *

Теперь сам чёрт тебе не брат,
но не представишь, хоть убей,
что будешь походя разъят
рукой неведомых кровей.

И дотянувши до седин,
едва ли честно уяснишь,
что означает «триедин».
Уже ль фигура речи лишь?..

И есть ли что за рамкой слов?..
И если есть, то каково?..
И весь твой нынешний улов –
улыбка краткая Его.

* * *

Не смолкают речи веские
на летучках там и тут.
Фильмы свойские, советские
в парках под вечер идут.

Ах, какая участь бурная
здесь по части правоты...
И бежит водичка бурая
в реки счастья под мосты.

Из ушедшего – в далёкое,
неуглядное, хоть плачь...
Неспроста сердечко ёкало
на обещанный калач.

* * *

Колёблющийся свет
забрёжил в облаках.
Невесело сове
соватьсь впопыхах

в короткий коридор
и занятый сортир.
Кто планы распротёр –
былое отпустил.

В трубу его, в трубу
с водою из бочка –
пацанское табу
на сказку про бычка...

* * *

Походя спугнули сгоряча
первого залётного грача.

Разбудили ширящийся гуд
на излете стыни и простуд.

Колокольным рёвом окаймлён,
лётся свет в купель иных времён.

И на чёрном выгоревшем льду
отсветы январские найду.

И на жилах лиственных живых
различима дрожь кристаллов их.

И в крови дерев растворены
высверки растаявшей страны.

* * *

«Бог мой! Какие берега в наплывах льда!»
Дались они тебе?
Какого мы сюда?

Как будто детство! Никогда с тех давних пор подобной болтовни не слышалось в упор.

«Замри, воскресни» – уговоры хороши...
Напрасное «ау» – в округе ни души.

* * *

Везде – маршрутное такси,
и частнику – чума.
Сиди и хлеба не проси –
и даром, что зима.

Ах, время, время! Что пенять?
Капризен нрав и крут...
И всё движение опять
уложено в маршрут.

* * *

Не стоит выделки и не
овчинка выделена богом...
Стоишь при выжатой луне
в лимонном отсвете убогом.

Не мягок он и не остёр,
что шкуры вытертый подшёрсток.
Желтушный холод распростёр –
не слишком свеж, не тошно жёсток –

на позднем выделе зимы
заслуживает усмешки...
Уже в проталинах холмы
и всё чернее вешки.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПЕСЕНКИ

* * *

Распаренный, только из ванной,
сидишь и гоняешь чай
под картой затёртой и рваной,
где брезжат прикидки твои.

Ведь это же плёвое дело –
посольство, билет, самолёт.
И что бы сегодня ни пела –
конечно же, мама поймёт.

Подумаешь, два океана
и три полуострова враз.
И даже суропиться странно –
как будто бы свет ни для нас.

Его небеса и пустыни,
стервятники и кенгуру.
И стало быть, ясно отныне,
что я ни за что не умру,

пока не обнимет коала
меня, словно дерево дней,
чтоб сердцу уместнее стало
и дальше было видней,

чтоб смочь зачеркнуть расстоянья
немой от объятья рукой
и счастье не сбило дыханья
студящему чай за щекой.

* * *

Абориген играет на дуде.
Задумчиво. И значит, быть беде.

Значительной. Циклону, например –
не любит бог музыки грешных сфер.

Карает за подобие богам –
на хижину, землянку иль вигвам

то мор наслёт, то шквал соорудит
вершитель драм, душитель-троглодит.

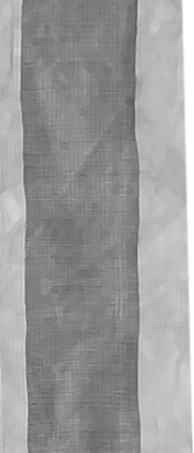
А сколько их в Австралии, богов –
дождя и солнца, гор и облаков –

и сам забыл задумчивый игрец,
чуток строптивец и немного жрец.

Кого богоподобием гневит?
Чему свидетель праздный московит?

Забыл, не знает, дудку тормошит.
Напрасный воздух в дырочках кишит.

И кто они? И где они оплечь?
И нужно ли угрозой пренебречь?

* * *

Безоглядно («У Моники»
лабух трудит струну)
каторжане, разбойники
возводили страну.

На задворках Британии
(каждый трезв и толков)
упражняясь в мотании
неподъёмных сроков,

гандобили, собачили
с лёту доску к доске.
Как недолго маячили
их следы на песке!

Эти мачты, орудия,
дух смолы и пеньки.
Ни к чему словоблудие,
коль рубанки легки.

И всходили по осени
(на полпальца плесни)
небывалые озими
в стороне от весны.

Время пело и глючило,
торопясь напролом.
(Что за дивное чучело
над соседним столом?)

Были волки тасманские
на лохмотья ветрил.
Чумовые и шпанские
ветер вещи творил.

Разорял и разгуливал
в патлах бородачей,
обуревших от курева
и казённых харчей.

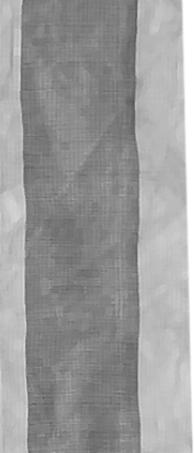
(Здесь такая азания
и уэльский омлет!)
И творцам наказания
за безумие нет.

* * *

В местном парке воскресное барбекью.
Анекдотцы, дамочки на излёте.
«Что вы, my dearest, нынче пьёте?»
«Нынче с утра ничего не пью.
Знаю, в Квинсленде хороша лоза.
Да и сам я вроде всегда как за.
Но хоть лопни – а не глядят глаза.»
«И напрасно, друг мой. Какой букет!
По Европам нынче таких уж нет.
Жизнь, поверьте – непоправимый бред.
Детский Спасск, Ярап, Харбин, Веллингтон.
(Мне сто лет в обед – не глядите так)
Впрочем, жаловаться – моветон:
все наши дёрганья – по существу пустяк.
Поглядите, сколько вокруг цветов –
голубых, сиреневых, золотых.
Я на всё, любезный вы мой, готов,
дабы зрить и впредь бестолковые их,
дабы вслушиваться, закатив кадык,
в послевкусье чёрных кровей слезы –
мёртво врос, сроднился, как пёс привык –
что слюнявить фуфельные азы.
Вы лелейте, юноша, аппетит,
заводите прихоть, подзуживайте нутро.
Время, оно, знаете ли, летит.

Что там бес? Скоро коса в ребро.
И не стыдно ль вам неиспитых чаш?
А сегодня вот и ещё к тому...
Всё везде – химера, чума, мираж.
И к чему упорствовать, не пойму.
Оглянитесь всё ж через не хочу
и примите кубок, пока дают.
И не хмурьтесь... Всё. Перебор. Молчу.
Всякой выморочке – свой салют.
Так хотя бы взглядом по головам –
и уже довольно больной душе.
Кровь шумит как ветер. Желаю вам
не особо вслушиваться уже.
Завихренья, сбои не стоят слёз.
Главное, чтобы шум не гас.
А о чём и прочее – не вопрос.
Уж по крайней мере для всех для нас».

* * *

какая дикая идея
от любопытства холодея
над плоскогорьем и песком
по небесам сквозить ползком

и молодея от восторга
смотреть как тщательно и долго
на небо смотрят поутру
мечтательные кенгуру

а к ночи ёжит холодая
тревожна зелень молодая
очередной какой реки
где жить пришельцу не с руки

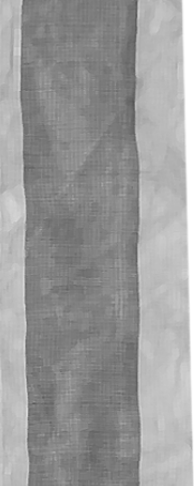
и так от перта до канберры
искать привратные примеры
любезно сбывшейся мечты
наивной фауны черты

и в простодушии утопая
следить как оторопь тупая
слезает нехотя с души
как побережья хороши

как зуб акулий крив и ярок
собака динго не подарок
добычу пестует в мечтах
но там и тут увы и ах

и словно с луковицы кожа
свою историю итожа
очнуться пухлым малышом
над океаном нагишом

и континент обратной жизни
сродни напрасной укоризне
вот-вот и скроется из глаз
чтоб сбыться в следующий раз

* * *

Винт шальной, горячий волчок, воронка –
знай, плывёт себе, затягивая без спросу
травяные стебли, сусликов осторожных,
страшных ящериц, гусениц криволапых,
вознося, мешая, сталкивая друг с другом
божьих тварей в колючей пыли и страхе.
Что за пепельный шлейф у краткого вознесенья?
Почему лохмотья кругом, потроха, обломки?
(Подстелить, спасти – да не хватит на всех соломки)
И часам к шести устаканится всё, затихнет.

И бордовый будет смешиваться с лиловым
над суставами птиц, мышей, кенгуриной шерстью
по холмам каменистым течь, зависать по склонам,
остывать, не спеша густеть, превращаться в корку...
Лишь зарница, с дальних сверкнув предгорий
синь-цветы зачем-то (похожи, но не цикорий)
из глухого с ходу выхватит непроглядства.
Вспышка, миг – и контрастный стоп-кадр разъятья
на сетчатке ночного падальщика застынет.
А чуть позже остро потянет кожей,
будто с вешалки тёмной чужой прихожей
если ключ в замке стремительно повернули.

Темнота – ни в грош. На то и разряд небесный,
чтобы нѣбную выжечь дрожь и дурман телесный,
дать узреть невидящим, плящим зенки слепо
(убедить несмышлѣных, что всё – в наилучшем виде),
освежѣванных заживо жителей сохлых весей,
за здорово живѣшь рассеянных в сор до срока –
эти шкурки, лапки, панцири и чешуйки,
коготки кошачьих, рыльца членистоногих,
что лежат в обложной ночи, как ключи в кармане,
драгоценны и горячи от горнила кровавой бани.
И остыть им не суждено – нет у бога иной отмычки.

* * *

Слой строительной ветоши
возле ратушных стен.
Сбоку радуга. Это же
символ всех перемен.

Ясный знак нескончания
штукатурных времён
и подрядчика тщания,
что обманом умён.

Семицветная истина
безотчётной мечты
в утешение выслана
с неземной высоты.

И от властного бдения
отведя его вбок,
лепит свет провидение,
зная всё назубок.

* * *

День качается при дне
осыпь ранняя на дне.

Лишь едва отворено
ночи тёмное окно –

а речная глубина
свежим фосфором полна.

Орион ли, Южный Крест
око тешит, душу ест?

Мать-медведица ли пьёт
водоёма тёплый йод?

Едким илистым огнём
дышит сумрачный объём,

выжигает в полный рост
тени рыб и нити звёзд,

рачь панцири, сады
понадводной ерунды.

Словно сызнава назло
с руслом им не повезло –

вся извилиста вода.
Столько ила, господа!

* * *

Автоматические двери бесшумно открываются, и пустой холл сонного отеля остаётся за спиной. Прозрачное молоко утреннего воздуха мягко обволакивает, смягчает движения, гасит шуршание башмаков. Солнце лениво разливается по тёплому асфальту набережной.

Издали плавно накатывается неторопливый трамвай, мерно покачивается, беззлобно позванивает. Он оранжево-матов, по-раннему свеж и непривычно опрятен. Нужно нажать светящуюся кнопку, чтобы переступить через пару ступенек и мирно поплыть над припаркованными яхтами, чумазами сухогрузами, дремлющими на мелкой волне речными чайками.

На искусственной пляжной косе высится неподвижное чёртово колесо, пестреют разнокалиберные навесы, извиваются плиточные дорожки. Кривоклювые ибисы задумчиво расхаживают вокруг безлюдных пирожковых павильончиков. Бакенщики в замасленных робах хмуро перебирают разводные ключи, мотки проволоки, негодные аккумуляторы.

А по другую сторону добродушный ветерок с недалекого океана дружелюбно треплет пиджачные полы вышагивающих на службу клерков. Ряженные аборигены

расстилают на перекрёстках широкие коврики, выставляют на тротуары чашки для мелочи, примериваются к потёртым дудочкам. Любознательные пенсионеры, вольготно расположившись по скверам, увлечённо изучают свежую прессу.

Минутные стрелки на замшелой башне выверенно скользят по привычному кругу. Окрестные бродяги, сладко зевая, безмятежно плетутся к ежедневному фургончику с дармовым кофе и горячими бутербродами. Заспанные торговцы любовно протирают маленькие витрины сувенирных лавчонок.

Словно из подзабытого подросткового сна оживает неведомый город, щедро умытый краткой прохладой южного полушария. Замедленное кино происходящего неотвратимо завораживает, плавно притягивает, заставляет смотреть ещё и ещё. Будто некий необычайный финал брезжит на дне разворачивающегося дня, поддразнивает, щекочет глазные недра.

А апельсиновый трамвай всё плывёт, покачивается, баюкает. И законный сон становится всё рельефней, ярче, ослепительней. Словно круг завершён, и отсчёт снова идёт от первой, давным-давно растаявшей во времени остановки.

* * *

Потому ли, оттого ли
потонули, что в неволе
в безоглядных облаках,
что синица не в руках?

Ублажали, угрожали,
сказки замертво рожали –
Боже, право, не пусти
птицу стискивать в горсти.

Той безбожно мнится тоже
вместо пота тесной кожи
ветер снов, угроза туч,
пепел, чуток и летуч.

Не собрать его в пригоршни –
света легче, плача горше,
про досады и труды
утекающей воды

потому молчит, что светел,
оттого горчит, что пепел –
птичья тень на сохлом дне
счастья выпавшего мне.

* * *

Кошельки из кенгуриных мошонок.
Тушки-шапки типа наших ушанок.
И по вешалкам придиричивый шорох –
вот кашне, а вот ещё полushалок.

Вот они, акульи зубы на полке,
крокодильи спины в виде сумчонок.
Тасманийские не вымерзли волки:
броский ворот – чем не ярый волчонок.

Лихо ползала, скала, галдела
сушу тешила и дно океанье
шайка-лейка. Но выходит полдела –
приноравливать к ландшафту дыханье.

Ведь чревата расставаньем привязка
и развязка прорисована сразу.
Всё в округе – обольщенье и сказка.
Впрочем, стоит ли твердить эту фразу?

Есть у слов что у зверей склонность к мести.
Скажешь походя – и мигом как звали...
И опять одни лукавые вести –
цены снижены на этом развале.

* * *

Небо, разлинованное криво
южным электричеством с утра
на рябом изгибе Brisbane-river
рейсовые режут катера.

Одиночки с лицами из воска
в узком ресторане-поплавке.
Побережья сизая развёрстка,
нефтяные пятна по реке.

Алкоголем выкормленной грусти
хватит до обеда за глаза,
где в лиловых высях захолустья
хриплая заходится гроза.

Там нальют по полной без обмана,
не добавить, спросят, лишку льда –
лишь десяток миль до океана –
сухая, поверьте, ерунда.

Там Большой Барьерный прямо рядом,
острова безумья и цветов –
ничего не стоит беглым взглядом
дать понять, что ты на всё готов,

ибисам с куриными мозгами,
женщинам с глазами голубиц,
что всегда глядели-не моргали
сквозь огни и воды заграниц.

Это будет весело и просто –
перед устьем спрыгнуть с катерка
и в колючей одури норд-оста
всё про всё понять наверняка.

ОТРОКИ ПРОСПЕКТА

* * *

Центровая бравая орава,
рассчитайся сызнова направо,
среди бульварной вытертой травы,
шобла не сносивших головы.

Гарью отдавали эти травы...
Сколько сдуру выпито отравы!
Перегаром выполненся ил
допотопных глинистых могил.

Право, было дело до потопа –
о-па, гопа – выдохни Европа!
Это мы – по Броду до царя...
Разве что выныривает зря?

* * *

Тонка колитная кишка
и не достанет воздушей
как встарь шарахнуть портвешка
и заподдразнивать гусей.

Менту кепарь надвинуть на
неутомимые глаза,
чтоб стала искоса видна
окна отдела бирюза.

Или плеяд немлечных для
души звезду зачалить из?..
И без единого рубля
заполучить заветный приз.

* * *

Луноход в подворотню, как в кратер,
пробирается, вглядываясь.
И двоясь, восстаёт альма-матер,
опрокинута в вешнюю грязь.

Гуманоиды хлюпко и дружно
лезут вглубь от дороги-пути...
Сколько вызубрить всякого нужно,
чтоб до их пониманья дойти!

Где они, безотказные шпоры
на вопросы залётных чудил?..
Кто на пятую точку опоры
приключений себе не удил?

Чем внутри расписание туже,
тем хмельней беспросветная стынь –
злую молодость канувших в лужи
помутившимся взором окинь.

Не об этом ли мартовским ветром,
темнотою окутан стократ,
в измерении инопланетном
гомонит неземной деканат?

* * *

Антибы, Пальма – де Майорка.
Дразнящий воздух, жгучий хмель.
Ли Харви Освальда «отвёртка»,
убийцы Кеннеди коктейль.

И «Кент» – фарцовая удача –
сластит пацанскую гортань.
Тоски воронежской не пряча,
слюну нездешности глотай.

На трубы местной теплотрассы
в кусты прибрежных развалюх
перегружай свои припасы,
гляди на запад и на юг.

Там столько в мареве маячит –
без стакана не разгрести.
Банкет заказан. Праздник начат.
И лето – всё в твоей горсти.

* * *

Схлопнется внутри, а не снаружи.
Альвеольный высохнет просвет.
Так давай затягивайся туже,
не жалея, братуха, сигарет.

Пусть нутро работает без сбоя,
как умеет рубит никотин.
Небо, ведь, такое голубое,
что никак не высидишь один.

Есть на что заглядываться, право!
Только помни – даром не смотри –
вешняя вездешняя отравка
как запал сработает внутри.

* * *

Звёзды-лезвия сверкнули,
поприжухли сторожа.
Привкус крови, присвист пули,
за душою ни гроша.

Перепевы на скамейке
под бренчанье невпопад
о когтях судьбы индейки
в виде вышек и оград.

Фраер фраера жесточе
и жаднее до удач.
Знал бы прикуп, жил бы в Сочи –
и поди переиначь.

До чего стаканчик мелок,
если жизнь – на волоске
под парами посиделок
во детсадовском песке.

* * *

Словно влитая сидит
кепка в клетку вокруг лица.
Жорик супится, сердит
по причине бодунца.

У палатки «как всегда»
повторишь через губу.
Не водяра, а вода.
А видал её в гробу!

Благо, небо как слеза –
без подмеса мутаты.
И глядишь во все глаза
с синевой его на ты.

Право, молодость оплечь –
на земле и в вышине –
в силах примеси отвлечь,
правда, временно вполне.

* * *

Подолгу на углу перетирали,
кто лучше знает Кешу и Толяна
и Чужика с Песчановки и иже...
И желваки ходили, и скрипели
от свежей злости крепенькие зубы,
и матерок крепчал, и хрип нахрапа
переполнял неопытные глотки,
и кулаки до белых подноготий
предстартово сжимались, а иные
ладони чересчур красноречиво
за пазуху стремились иль в карман.
Сейчас, сейчас взорвётся, запылает,
засолонит во рту, зазастит красным,
аукнется за солнечным, заставит
предательски на сжатии сбоить...

Но кто-то вдруг брезгливо ухмылялся
и сплёвывал, и морщился хозяйски,
закуривал и шуточку вставлял.
И сходу распогаживалось, тихо,
развеивалось и на нет сходило...
И руки пожимались на прощанье,
что, дескать, всё нормально, пацаны.
И жалко было, что не разгорелось.
И страшно было с кровью расставаться.
И мышечная оторопь надскулий
была тому приметой самой верной,
что жмурятся от пристального света
не жмурики по милости весны.

* * *

С нестыкухой ходим парой –
пустоцветы да гольё.
Оттого хоть стой, хоть падай
на несвежее бельё.

На простынки-самобранки
оборотистых невест...
Ржа с души что кровь из ранки –
всё-то жить не надоест.

От укуса, от ножа ли –
в почву путь очередной...
Всё ботаники лажали,
что бесценен перегной.

* * *

Подруга, верная как дым.
Вокзальный дымный общепит.
Как глубоко немолодым
цыплёнок похода убит!

Бедром – что рельсовая сталь
путей вечерних в молоко...
И если уж чего и жаль –
как дымно было и легко.

Он то столбом стоял, то плыл
в окно неведомо куда...
Что было глупости и сил
гудели в ухо поезда.

И кто бы переубедил,
предостерёг, утешил их...
Воронеж – чёрточка – один.
И верно. Не было других.

* * *

По чуть-чуть и до вечера.
А покамест – в бега.
Рассусоливать нечего:
раз – и вся недолга.

Время – деньги недетские –
после лапу соси.
Киснут шмотки немецкие
по фарцовской Руси.

И идут из Италии
по волнам и морям
мировые сандалии
на беду прохорям.

Сколько тамошней всячины
по кильдимам купцов!
А ещё не охвачены
и али, и кацо!

Вечерушки дремучие,
чёлки в мутной реке...
Благо, сердце не мучает,
если плыть налегке.

* * *

Шло глупое кино
невыносимым летом
про то, что всё равно
мы квиты в мире этом,

что правда и печаль
на круг равны друг другу –
ладони по плечам –
что песенка по кругу.

Любови кувырком,
развязки ненароком.
Не стоит ни о ком –
вся песенка – за сроком.

За сорок уползал
термометр с утрянки.
А далее – вокзал,
развилки и стоянки.

И кадры невпопад
в поту сквозь сон и морок...
Но что нам их накат,
когда всю за сорок?

* * *

Гитарка хмуро дребезжит,
мотивчик вяло волоча.
Певец суровится, подшит,
похож на чухлого сыча.

Послевоенные дымки
к осенней лапятся стерне.
И снова дали высоки
и различимы не вполне.

Барачный выморочный двор
лицом к окраинным полям.
Серёга с фиксой, Лёвка-вор,
сырок фольговый пополам.

И на фи́га ему, певцу,
приветы прежних пепелищ,
когда вплотную ночь – к лицу,
а он поёт, суров и нищ.

* * *

Ты папироску затуши.
Она ли радость для души?

Разулыбайся до ушей,
тому, что выгнали взащей.

Всё это липа, лабуда –
ещё заявишься сюда.

Достанешь пачку, сплюнешь вбок,
небрежен и жестокоок.

И всё пойдёт наоборот –
и дверь откроется, и вброд

на цыпках безо всяких но
сквозь время спешно и смешно

вернётся всё, подсуется.
А ты, как всяк из грязи князь,

с ухмылкой спросишь, как дела.
Давно ли липа отцвела?

* * *

К чему ей, дуре, эта скорость –
листве – в золу и перегной?
Но прянет утренняя морось
по-над поверхностью земной,

занепогодится, случится
среди сучьев скользкий сквознячок –
и станет пагуба сочиться
по черенку на язычок,

в соединенье неба с нёбом –
поди, некисло на ветру –
кровообращением особым
заварит верную игру:

давай, давай – вперёд, так надо –
напропалую в никуда...
Прощай, дурацкая бригада!
Наглей, лукавая дуда!

БАТАЛЬОНЫ ЗАБВЕНИЯ

* * *

облаков кособокое войско
заржавелого неба за край
отошло как вчерашнее свойство
жить как жил а теперь помирай

небосвода дурная причуда
верхогляда чудная беда
это воинство родом отсюда
но едва ли вернётся сюда

на боках бронзовеющих криво
отпечатался ток временной
иноходца игривая грива
на спине командир за спиной

поле небыли небо печали
по краям заржавелая кровь
перемирия не обещали
потому заваруху готовь

с пустотой наползающей сверху
воевать до поживы её
дабы правым прибыть на поверку
самодельное стиснув цевьё

* * *

В итээровском суконном пиджачке
входишь сызнава в субботнее пике.
Сто да сто, да пятьдесят, да чебурек.
Задымишь, и ты обратно человек.

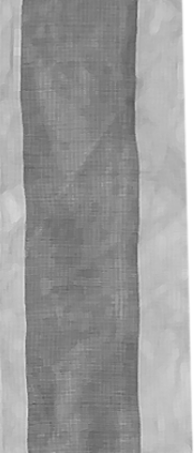
Всё уже перегорело. И начнем
собирать – и раз, два, три, четыре, пять –
память, пламень, слёзы горькие ручьём –
ни аршином не измерить, ни понять.

Ах, ты Господи, кати, мотор, кати
по вечернему простору января.
Что за веси проступают впереди,
фейерверки, выси, высверки, моря?

Сыпь алмазная в капризных небесах,
божья молодость в янтарном далеке,
где несбывшееся дремлет на весах
тьмы и света в ослепительной тоске.

Птиц заветных – знамо, синих, золотых –
на тускнеющем экране световом
силуэты – всё разглядыватель их
о себе и позабудет о самом.

Только месяца кровавая латунь,
местных сумерек тягучая смола.
И куда с любого берега ни плюнь –
жизнь тесна и сажа сызнава бела.

* * *

Просыпаясь от взгляда догадливых белых крыс
сквозь воздушную сетку вивария прежних дней –
перепад давления сосудистый ли каприз –
видишь то, что издали светит тебе видней.

Парк, где раньше блестел брусчаткой кадетский плац,
у закрытого тира мороженое с лотка,
тополиная ржавчина, поздний накал тепла,
транспарант про дело, которому жить века,

прямо перед окном, где будущий эскулап
со своей спиртовой колдует и в перерыв.
То анофелес в рост, то рефлекс лягушачьих лап,
то настенный перечень всех земноводных, рыб,

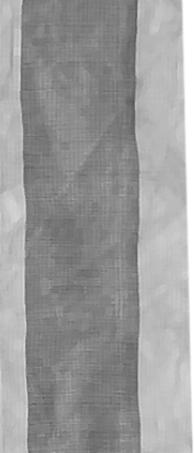
знай себе, проносятся по зрачку
в световом пучке без времени и слезы.
Лишь кукушка на кухне налаживает «ку-ку»,
на пружине в те же входя пазы,

как хвостист в исхоженный коридор –
дрожь по коже – всё гаже идут дела.
Шалый луч прожектора, зряшная жизнь, позор –
стерлись зубы закусывать удила.

По причине утери численника число,
год и месяц стопарятся в ночи.
Микроскоп, часовая стрелка – очнись, алло,
на рябом стекле истекшее различи.

Что же лучше, чем молча глядеть в трубу,
забавляясь тумблером, медленно забывать
и соседа слева последующую судьбу,
и привычку той, что справа, не забывать

буйну голову тем, что вытрется габардин,
растеряет префиксы – суффиксы вся латынь
и с военною выправкой тополь едва ль один
предоктябрьскую убережёт теплынь.

* * *

Мы запальчиво дышим
на краю сентября.
И питаюсь кишмишем,
понимаем, что зря
собирались неспоро
опасались пальбы
по пятам разговора
про войну и гробы.

Крепнет месяц двурогий –
на боку испокон –
над прибрежной дорогой
прямо в Новый Афон.
Нет дыханью преграды
в искротелом поту.
Сатанеют цикады,
тормоша темноту.

И на вдох, и на выдох –
виноград по лицу –
весь в надломах и видах,
будто дело к концу.
Будто все перестрелки
отошли во вчера.

И сомнения мелки,
чтобы вспомнить с утра.

.....

Потных ягод на блюде
хороша зеленца.
Что за бедные люди –
ни на ком нет лица.
Вся курортная туса
не в ладах с головой...
Ноет место укуса
словно след пулевой.

* * *

Вот и вишен почти не осталось
в детской миске, где стерлась эмаль.
Не спеши, пораскушивай малость –
уж на что, а на это не жаль

в наползающих сумерках жизни,
допоздна шелестящей в саду.
Соком вымажись, мякотью брызни,
в темноту оступись на ходу.

Острый воздух разгара сезона
как дразнилка дрожит на губах.
Если помнишь: «Держи фармазона,
шито-крыто, бабах-карабах.»

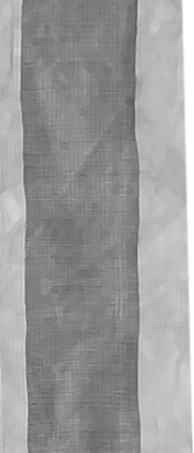
И бессмысленным счастьем пострела,
обожателя абракадабр –
черной ягоды спелое тело,
юной ночи нечаянный дар.

И по дну оголенному шаря,
на подушечки пальцев дыша,
улыбнется прощально и шало –
дескать, вишня была хороша,

пустяки, что не выдался случай
задержаться на этом пиру
с тёмной радостью, сладостью жгучей,
чутким сном в грозовую жару.

* * *

Всё дольше наводишь резкость, настраиваясь против
часовой стрелки
и пуще пялишься в заборные проломы «Буревестника»,
где настовой скрежет гасит одышечный матерок
инструктора
и над раздолбанной лыжнёй стынет перегарный парок.
Взопревшие, пунцовощёкие по очереди соскальзывают
с пригорка
сквозь ломкие узловатые пальцы мёртвого леса
за слезозаваренный поворот кислородного восторга,
становясь короткими залпами снежной искрящейся пыли.
Лошадиный анекдотный хохот вскорости растворяется
без остатка
в царапающей мышиной тишине опустевшей раздевалки,
и только на растресканных стёклах над тщедушными
радиаторами
настороженно посверкивают последние кристаллы
парнокопытной радости.
А дальше – оглушено ждать, прихлёбывая простывший
термосный чай,
разбродного финиша аутсайдеров у раскрашенного столба –
того самого, где шипели «пошёл» и лупили ладонью
по жопе –
морщиться от вымоченной трухи прелого лимона,
нескончаемо грохотать мокроступами,
отряхивая упрямую наледь,
и бессмысленно ёжиться под внимательным
равноприимным взглядом,
оборачиваясь и не обнаруживая никого.

* * *

Д. З.

Уже кураж поймал приёмыш
страны глювайна в рождество.
И что какой-нибудь Воронеж
поре теперешней его?

В какие лакомые зимы
он ввинчивается дотла!
И дамы, дики и красивы,
вдогонку смотрят от угла.

Всё безупречней жест умельца
расправить шарф на кадыке.
Всё траурней рыдает меццо –
сопрано в местном бардаке.

Берёт немислимые ноты,
настурций режет лепестки,
раздраживая – что ты? –
вечерних выкрестов тоски.

И крест зачёркнутая накрест
страница стынет на столе.

Короче фраза, круче нарежь
искр на фужерном хрустале.

И под невинными парами
подвальчика нипочему
обрывки прежней панорамы
урочны смутному уму.

Бурда убойная в бутыли.
Бульвара долгая дуга.
Прищур усталый, чёлка – ты ли? –
и вся потеха недолга.

А что и нужно для завода –
вчерашней прелести кусок.
И грянет речь, не зная брода,
от грифеля наискосок,

перелопачивая вчуже
и те, и эти времена...
И пустота ничуть не хуже
того, что выпито до дна.

ВЫСТАВКА

А. К.

Над коллекцией лафитничков, бутылей, штофов
сплошь с тиснением, гербами да вензелями
снова вспыхивает и гаснет досужий шёпот,
воображенье публики походя воспаляя.

Это было в какие-то времена не наши –
переключки пробок, причуды пены, лихие спичи.
В нос швырялись каты, опрастывались патронташи,
и над секундантами крики носились птички.

Или народник, балуясь монополькой,
кровь из носа требовал земского пересмотра,
отражался в склянке, выпуклой и неполной,
в мебелированных яро встречая утро.

А ещё вариант – школяры и прочие раздолбаи,
листьями выпускными завешанные в июне,
из горла коллекционное родительское хлебали,
в обобществлённую ёмкость пуская слюни.

Что за глупые стеклодувы вывели эти виды
на боках и гранях нестойкого матерьяла?
Разлетались в осколки замыслы, вдребезги шли обиды –
и смертей, и славы вновь становилось мало.

И по-новой выходит тянуть чумовой напиток,
наблюдать, как свет расслаивается сквозь стенки,
и впивать той радуги вневременной избыток,
забывая тона столетий и собственных лет оттенки.

* * *

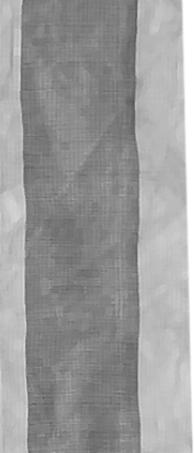
Чёрные бордовые разводы.
У моста речные теплоходы.
Августа последние часы.
Новостроек выморок фонарный
на крови языческой, янтарной
водоёма средней полосы.

В западне прибрежного заката
отражений злая стекловата
от финифти нефти на плаву
яростно карябает по нёбу,
укоряя душу и утробу
тем, что умираю и живу.

Корабельный крик похож на птичий –
или это равенство обличий
на предельном выделе тепла.
Длинноклювых кранов развороты.
Встречных чаек гибельные ноты.
Осени небесная зола.

Резво разоряется из рубки
про ветра побед и еврокубки
радио в казённом кураже.
И сигналил фара носовая,
что темна волна голосовая –
заповедны высверки уже.

Что словам не писаны значенья,
что сердцам опасны попеченья –
всё в крови над крапчатой волной.
Всё острее и ярче сигарета,
всё трудней видны от парапета
масло света, дёготь водяной.

* * *

Даже имя припомнишь не вдруг –
батарейки у памяти сели –
только голая линия рук
поперёк неременной постели.

Ни порядка положенных слов,
ни событий живую простёжку.
Боже милостив, жребий суров –
всё скользит в темноту понемножку,

чтоб оттуда давая понять
о присутствии в деле дальнейшем
щекотать, изгаляться, пенять,
за каким это, знаете, лешим

с обречённым, сошедшим почти
в никуда с освещённого круга,
баснословную дружбу вести
и завязываться так туго,

что бесцветная смиренная нить,
на чумные попавшие пальцы,
без натяжки вольна сохранить
отпылавшие кольца и пальцы,

слишком острый излом локтевой
и неровный загар на предплечье,
и прожилку под ним – тетивой.
А другое – спросите полегче.

Ведь подсветка теперь такова,
что едва ль на оставшихся вольтах –
то как руки суёт в рукава,
деловито выходит на воздух

и всю как большого спеца
об источнике тока пытается...
И отвечаю в поте лица,
что, зачем и откуда питает.

* * *

Л. Ш.

За границу эмэйлы твои летят :
«Мальчиши, салют вам и «Абсолют».
Зуд уездного буки, ревнивый скупой догляд
одного из сказки вынутых чудо-юд.

Марш-бросок вдоль проспекта – и ни души
из когда-то по танцам-кафешкам здесь
бумбарашившим впроголодь. Хороши
студиозусов нищий размах и спесь.

Сыро в сквере у тира, у памятника царю.
А соседке его скамеечной – всё трава.
«Ничего, что с Вами заговорю?
Жизнь, она подшучивать здорова.

Ни черта не стоит ей, дурочке, наобум
сдуть как пух с ладони, пустить враспыл
весь шурум-бурум, кураж, непотребный шум
тех, кого как выглядят, позабыл.

И просторно глазу стало зато оплечь.
Можно всё-про всё рассмотреть, хорошо сказать

безупречной брюнетке чудную речь
надавить на жалость, польстить в глаза.

Было-сплыло – и весь дон-жуанский хлеб.
(Вы, надеюсь, не против раскрытых карт?)
Много всяких у всех городов и неб.
А чуть что – лишь слегка обернись назад –

и тебе открытый для муки взор,
и тебе улыбочка на твою.
Знаю, знаю, утрирую – перебор.
Только, как ни крутите, на том стою.

Дай-то Бог, чтобы праздники задались.
И не переглотать у любой черты
непогоды живую сладость, надежды слизь,
переходя, наконец, на ты.

Ведь от этой у тира сырости никуда.
А по этой ретивой старости поделом
опрокинутый радовать календарь,
становясь полноправным его числом».

* * *

Поделом тебе – кончились все припасы,
пчелы вымерли – в дуплах черно и глухо.
Жизнь отшибная, шпанские прибабасы –
волчьи ноги, собачий нюх да кабанье ухо.

Прозябанье зяблика, беличья суматоха,
страсть крота, червяка земляное зреньё –
кровь свернулась, выветрилась эпоха
слушать листья, перебирать коренья.

И уже пришла пора обернуться ветром
по угодыям прежних своих знакомых,
кожной дрожью, облаком безответным,
сном пернатых, прихотью насекомых,

ранним сполохом, воруля волглым бликом,
слабым светом в тесных лесных прогалах,
чехардой теней в разнотравьи диком
чередой огней на заимках малых,

редкой искрою перескочить вживую
в круговой разбег поднебесных токов,
жизнь-обжорку, чушку сторожевую,
подкупив плодами её уроков.

* * *

На шифоньере шкипер с трубкой книзу –
морская спесь на гипсовых губах –
глядит, как голубь ходит по карнизу
и смотрит внутрь, осиливая страх.

Ему не слышно, как перед рассветом
бежит волна по чашечной воде,
и обитатель комнаты об этом
не упомянет в записях нигде.

Когда перо, разобранный и смирный,
он пускает на белёсый лист,
не дышит соглядатай сувенирный
и стынет голубь, светел и когтист.

Им хороша трава морей и неба,
ночного света стебли и цветы.
Гонитель сна, едок другого хлеба,
примерный соплеменник нищеты

среди рядового мрака маракует,
мурыжит речь на краешке стола,
на воду дует, с ложечкой кукует
и, что на небе, смотрит, за дела.

Водоворот глотает воровато
придонный сахар в разовом тепле,
чтоб кровь голосового аппарата
вращалась как пластинка на игле.

На ней гуденье раковин в глубинах,
сквозное эхо в россыпи пустот,
ночных, надмирных, водных, голубиных –
вибраций временной противоход.

* * *

Виски тереть, во тьму смотреть
глазами, мёртвыми на треть
от ротной ностальгии.

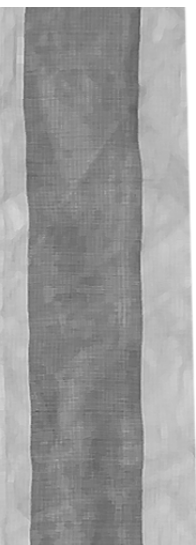
К утру морочить время вспять,
ненужное, как буква «ять»,
как, впрочем, и другие.

К чему она, вся эта речь,
ведь кровь как прежде будет течь,
не разомкнув закона.

Мои последние войска
шумят как волны у виска
ещё во время оно.

Тупых шеренг обратный ток
ненаказуем и жесток
на зорьке языкатой.

Ведь лишь одну команду «пли»
они и выполнить смогли.
И то ошиблись датой.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНЫЕ ПРИЧИНЫ

«Северонравный ветер с юга...»	4
«Серобородый старик на приколе...»	5
«Набухший оттепелью Воронеж...»	6
«Пока окрестная пурга проходит мимо...»	7
«Стишок учи, мотай на ус...»	8
«Всё в томатном соусе...»	10
«Краем стылого пляжа трусцой не спеша...»	11
«Картофель на стол подаёт квартирантка...»	12
Йеллоустоун	14
«Все старинные шалости, в свой же ступая след...»	15
«Всё бредит сбиться в мае оголтелом...»	16
«никак чумовой не припомнить прищур...»	18
«Поскользнувшись на повороте к дому...»	20
«Ведь бывает, бывает как с гуся вода...»	21
«Когда мужик в дырявой майке...»	22

ЯНВАРСКИЕ ВЫСВЕРКИ

I.

«Снежок ложится ниц...»	24
«Тень от случайного шестка...»	25
«Если в трубку откликнется мама...»	26
«По тормозам и ок-...»	27
«Мулен Руж», потный кордебалет...»	28
«Галдёж, петарды, кофетти...»	29
«От кочки двух вершков...»	30
«Сколь ни шарь по Интернету...»	31
«Предрождественский стаял снежок...»	32
«Ну что за убогая шутка...»	33
«Отрезонирует посуда...»	34

II.

«Не чается отчалить...»	35
«...пришлось через не хочу...»	36
«Колокола над околотками...»	37
«По полосе береговой...»	38

«Снег валил в пивные кружки...»	39
«Над молью мужниных калош...»	40
«Вчерашний короб гол...»	41
«Сугроб, огромен и покат...»	42
«Зима иных затей не хуже...»	43
«В ближней церкви не крашен алтарь...»	44
«Насморк, озноб, чох...»	45

III.

«Лишь вскользь отразила витрина...»	46
«Что пересушенные спички...»	47
«Нехотя поворачивается птица...»	48
«Пошатнулась таратайка, поплыла...»	50
«Теперь сам чёрт тебе не брат...»	51
«Не смолкают речи веские...»	52
«Колеблющийся свет...»	53
«Походя спугнули сторяча...»	54
«Бог мой! Какие бе-...»	55
«Везде – маршрутное такси...»	56
«Не стоит выделки и не...»	56

АВСТРАЛИЙСКИЕ ПЕСЕНКИ

«Распаренный, только из ванной...»	58
«Абориген играет на дуде...»	59
«Безоглядно («У Моники»...»	60
«В местном парке воскресное барбекью...»	62
«какая дикая идея...»	64
«Винт шальной, горячий волчок, воронка...»	66
«Слой строительной ветоши...»	68
«День качается при дне...»	69
«Автоматические двери бесшумно...»	70
«Потому ли, оттого ли...»	72
«Кошельки из кенгуриных мошонок...»	73
«Небо, разлинованное криво...»	74

ОТРОКИ ПРОСПЕКТА

«Центровая бравая орава...»	76
«Тонка колитная кишка...»	77
«Луноход в подворотню, как в кратер...»	78

«Антибы, Пальма-де-Майорка...»	79
«Схлопнется внутри, а не снаружи...»	80
«Звёзды-лезвия сверкнули...»	81
«Словно влитая сидит...»	82
«Подолгу на углу перетирали...»	83
«С нестыкухой ходим парой...»	84
«Подруга, верная как дым...»	85
«По чуть-чуть и до вечера...»	86
«Шло глупое кино...»	87
«Гитарка хмуро дребезжит...»	88
«Ты папироску затуши...»	89
«К чему ей, дуре, эта скорость...»	90

БАТАЛЬОНЫ ЗАБВЕНИЯ

«облаков кособокое войско...»	92
«В итээровском суконном пиджачке...»	93
«Просьпаясь от взгляда догадливых белых крыс...»	94
«Мы запальчиво дышим...»	96
«Вот и вишен почти не осталось...»	98
«Всё дольше наводишь резкость...»	99
«Уже кураж поймал приёмыш...»	100
Выставка	102
«Чёрные бордовые разводы...»	103
«Даже имя припомнишь не вдруг...»	104
«За границу эмэйлы твои летят...»	106
«Поделом тебе – кончились все припасы...»	108
«На шифоньере шкипер...»	109
«Виски тереть, во тьму смотреть...»	110

Попов Сергей Викторович

ВОРОНЕЖ etc.

Редактор – Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет – Дж. Смит
Корректра авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Petersburg
Тираж 300 экземпляров
Сдано в набор 19.10.2010
Подписано в печать 30.10.2010

109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75
Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.